

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪМОСТЯМЪ

(ГОДЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ).

Февраля 15

№ 4.

1911 года

Памяти Преосвященнаго Алексія Епископа бывшаго Вологодскаго и Тотемскаго († 2 февраля 1911 года.).

Въ тиши и уединеніи, въ стѣнахъ родной обители ¹⁾ скончалъ свое земное поприще маститый старецъ — архипастырь, приблизившись къ возрасту, назначенному несломляемъ въ качествѣ предѣльнаго даже для тѣхъ, кто „еще въ силахъ“. Усопшій старецъ-архипастырь былъ „въ силахъ“, и Богъ судилъ ему дожить до того момента, который является блаженнымъ удѣломъ немногихъ служителей Церкви ²⁾. По несовѣдимымъ сульбамъ Божиимъ, усопшій архипастырь не пережилъ этого момента; онъ скончался въ тотъ самый день, когда исполнилось *полотка* ревностнаго служенія его св. Церкви въ священномъ санѣ. Богъ не судилъ ему лишь услышать связанныя съ этимъ событіемъ правѣтствія. Въ отвѣтъ на тѣ изъ этихъ правѣтствій, которыя были посланы напр. изъ далекаго отъ Арзамаса Петербурга ³⁾, было краткое „скончался“. Усопшій архипастырь въ послѣдніе годы своей въ общемъ полной трудами жизни уже не несъ бремени пастырскаго управленія. Онъ удалился отъ несвойственныхъ старческому возрасту трудовъ, связанныхъ съ управленіемъ епархіей, удалился „на покой“. Въ древнѣйшія времена глубокаго язычества въ возрѣвіи на старческой возрастъ господствовало пренебреженіе и даже жестокость, ибо онъ почитался не только явно бесполезнымъ, но еще при этомъ и обременительнымъ. Христіанство уничтожило этотъ взглядъ; грубость и пренебреженіе уступили мѣсто заботливости, уваженію и почтенію въ отношеніи къ старческому возрасту. Но и въ настоящее время обыденный взглядъ склонается болѣе въ ту сторону, что воздаваемая старческому возрасту заботливость и почтеніе являются лишь наградой за прежніе труды и заслуги, самъ же по себѣ старческой

¹⁾ Спас-преображенскій монастырь въ г. Арзамасѣ Нижегородской губ.

²⁾ 2 Февраля 1911 г. исполнилось 50-лѣтіе служенія Преосвященнаго въ священномъ санѣ.

³⁾ Телеграмма Преосвященнаго Никона, Епископа Вологодскаго, и телеграмма группы вологжанъ-студентовъ С.И.В. дух. академіи.

возрастъ разсматривается какъ состояніе безличности, безхарактерности и лишь терпимости. Основаніемъ для этого несомнѣнно является то обстоятельство, что для старческаго возраста немислима настоящая активная работа и отъ нея лица этого возраста должны необходимо удаляться. Усопшій старецъ-архипастырь также удалился отъ активной работы, но это удаленіе не означало перехода въ состояніе безличности и ненужности. Прежде всего, и вообще старческой „покой“ не есть бездѣйствіе, но свойственная именно специально этому возрасту дѣятельность. Это та дѣятельность, которая, при своей видимой пассивности, на самомъ дѣлѣ является чрезвычайно активной. Ее мы могли бы сравнить съ дѣятельностью тѣхъ св. отшельниковъ, которые вдали отъ людей, въ уединеніи занимались самовоспитаніемъ, возвышеніемъ духа надъ плотью путемъ поста, молитвъ и подвиговъ. Эти св. отшельники были, повидимому, далеки отъ активного воздѣйствія на своихъ современниковъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ они оказывали на нихъ самое могущественное воспитательное вліяніе, являясь какъ бы свѣточами, огоньками, указывающими пути къ Богу, постояннымъ живымъ напоминаніемъ о томъ, что есть для всѣхъ „единое на потребу“. Старческий возрастъ благодаря своимъ особымъ свойствамъ, можетъ быть, и незамѣтно для непривыкшаго къ глубокому, серьезному анализу „смысла человѣческой жизни“ зацѣпавшагося въ свѣтяхъ обыденныхъ, житейскихъ интересовъ человека, оказываетъ могущественное воспитательное вліяніе. Не говоря уже о томъ, что въ старости повторяется чистота дѣтскаго возраста, что для нея земные идолы, доминирующіе въ болѣе раннемъ возрастѣ, теряютъ свою притягательную силу, не говоря уже объ этомъ, старческому возрасту присуща, на ряду со смиреніемъ, заступившимъ мѣсто гордости юнаго и зрѣлаго возрастовъ, на ряду съ нимъ присуща та дальновидность, которая выражается въ способности видѣть за ближайшими причинами часто неусматриваемую людьми Высшую Первопричину. Отсюда именно беретъ свое начало то, что составляетъ наиболѣе характерную черту старческаго возраста и что мы можемъ обозначить, какъ *потребность жить въ Богѣ*. Къ удовлетворенію этой потребности, къ жизни въ Богѣ и стремился упокоившійся архипастырь, удаляясь отъ дѣлъ управления обширной Вологодской епархіей въ обитель „на покой“ (не тѣлесный, конечно, покой, хотя и онъ также потребность этого возраста, но покой душевный). Здѣсь онъ искалъ

успокоенія отъ тѣхъ безусловно многочисленныхъ и крайне обременительныхъ для старца трудовъ по управленію епархіей, которые онъ умножалъ еще своимъ неустаннымъ рвеніемъ, своимъ доходящимъ до ревности стремленіемъ сдѣлать все своими руками, сдѣлать такъ, чтобы можно было со спокойной совѣстью сказать: исполнено такъ, какъ того требуетъ справедливость. Онъ былъ настолько проникнутъ сознаніемъ важности и отвѣтственности административныхъ обязанностей, связанныхъ съ положеніемъ епископа обширной епархіи, что когда увидѣлъ, что его силы становятся недостаточными для того, чтобы съ тою же ревностью нести архипастырскіе труды, онъ удалился въ родную обитель, надѣясь найти здѣсь себѣ покой душевный, а по скончаніи опредѣленнаго волею Божіею земного поприща и упокоеніе для своего тѣла. Теперь же воля Божія исполнилась и одряхлѣвшее отъ старости тѣло освободило заключавшійся въ немъ могучій духъ.

Большую часть своего архипастырскаго служенія упокоившійся посвятилъ Вологодской епархіи, и въ исторіи послѣ ней ямя его будетъ несомнѣнно въ числѣ выдающихся архипастырей. Здѣсь не мѣсто для подробной характеристики дѣятельности почившаго архипастыря за время управленія Вологодскою епархіей. Для этого нуженъ спеціальныи трудъ и, безъ сомнѣнія, другое, болѣе подходящее для историческаго суда время. Мы можемъ лишь выразить то общее впечатлѣніе, которое оставилъ на себѣ упокоившійся. А въ этомъ отношеніи мы не можемъ ничего сказать болѣе лучшаго и справедливаго, какъ только то, что упокоившійся былъ великій труженикъ. Онъ жилъ своею работою, вкладывалъ въ нее свою душу, какъ бы отождествлялся съ нею, устремлялъ на нее все стороны своего духа. Всякое дѣло онъ ревниво оберегалъ отъ прикосновенія чужой, подчасъ небрежной, неаккуратной руки. Предметъ его работы былъ для него какъ бы частью его личности. Какъ бы мала и незначительна, повидимому, была работа, онъ одинаково относился къ ней съ обычною для него тщательностью. Эта тщательность или, лучше, постоянная серьезность въ работѣ, это вкладываніе въ нее всего себя является характерною чертою жизни и дѣятельности усопшаго. Она есть слѣдствіе той внутренней душевной дисциплины, какъ плода долготѣней и упорной культуры духа, которая обнаруживается какъ въ неуклонномъ исполненіи самому себѣ предъявляемыхъ требованій, такъ и въ ревностномъ желаніи

видѣть то же самое и въ другихъ. Этою именно чертою характера почившаго архипастыря объясняются всѣ особенности его мѣропріятій по управленію Вологодскою епархіей. Онъ самъ любилъ трудъ, трудъ тщательный, добросовѣстный, того же требовалъ и отъ другихъ. Эта требовательность въ исполненіи того, что принято называть обязанностью, долгомъ, можетъ быть, отчасти заслоняла для поверхностнаго наблюденія *любоведливость его сердца*, эту другую характерную для него черту. Онъ любилъ свою ваству любовью отца, болѣлъ и скорбѣлъ ея нуждами. Онъ сроднился съ нею, такъ что и въ удаленіи (да позволено мнѣ будетъ указать въ полтверженіе этого на личныя сношенія съ усобнымъ уже за время его пребыванія въ Арзамасѣ) сохранилъ ее въ сердцѣ своемъ.

Этотъ былъ *человѣчнѣйшій* архипастырь, чуткій къ нуждамъ другихъ, всегда готовый помочь совѣтомъ, утѣшеніемъ, наставленіемъ и матеріальной поддержкой. Можно было бы привести безчисленное количество фактовъ этого рода, но отложимъ это до другого времени. Здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что деревенскій мальчикъ изъ бѣдной крестьянской семьи, не имѣвшей, къ нечю, ни малѣйшей возможности даже мечтать о томъ, чтобы дать ему какое либо другое образованіе, свѣдѣній начальной школы, этотъ мальчикъ, благодаря лишь исключительно гуманной отзывчивости упокоившагося, оказался на той дорогѣ, которая въ настоящее время привела его уже къ окончанію высшей богословской школы.

Да, это былъ чуткій сердцемъ, благодѣтельный архипастырь. Это былъ великій труженикъ и усердный молитвенникъ. Милость Божія да будетъ тебѣ, святитель, велика на небесахъ!

Студентъ С.-Петербургской дух.

академіи *Николай Коноваловъ.*

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

(Продолженіе.)

Х.

Къ ночи на 16-ое іюля 1862 года въ семинаріи оупустѣло. Чувствовалось безлюдье и тишина. Въ бурѣ остались только тѣ, кто назначень былъ для поступленія въ академію, да человекъ десять по своимъ обстоятельствамъ, а у насъ въ канцеляріи семичарскаго правленія осталось письмоводителей только тѣсе. Пусто и скучно. Не хотѣлось мнѣ, помнится, ни гулять, ни писать, ни читать. И, скоротавъ кое какъ вечеръ, вся наша